

Габриадзе Резо
Независимая. — 2006 — 29 июня. — с. 10

Что может быть слаще анонимности в искусстве?

Резо Габриадзе исполняется 70 лет

Инна Кулишова Тбилиси

В Тбилиси живет маленькое кафе с разрисованными стульями, деревянными столами. С другой стороны кафе делит, можно сказать, общую стену и сцену с Театром-студией Резо Габриадзе. Да оно тоже — часть театра. Великий кукольник, сценарист, режиссер, гражданин мира и создатель театра, который когда-то назывался «просто» — Театр марионеток, отмечает свое семидесятилетие в Грузии.

Трудно представить, но это возможно. Что-то такое происходит и сейчас.

— «Поэтическая форма существования чуждается любой формы конечности». И это преодоление конечности у вас происходит, такой точечный шаг в бессмертие...

— Одни считают это наивным, другие нет. Я успокоился, когда, кажется, у Блаженного Августина прочел: «Сложнонаивный». А что еще может интересовать человека, который прожил при стольких правителях? Поскольку

— Вы говорили, основания драматургии конца XIX — начала XX века — подход к делению ядра. Люди атомизировались, стало больше одиночества и меньше уединения. Что сегодня?

— Сегодня мне кажется, третья мировая война будет сделана, если уже не сделана, массмедиа. В поте лица стараются и, собственно, находятся в производстве уже. Мы наконец-то всей планетой залезли друг к другу в деревни, в кухню, к этому несчастному человеку в пустыне, живущему с двумя дочками, с женой, и еда у них ящерицы. И мы пришли к нему, заглянули в глаза, умножили в 30–40 раз, дали крупным планом. И оказалось, не так уж много интересного там. Мы гораздо больше знали об австралийском жителе из описания, чем из телевидения. Мы заходим с теми инструментами, которые ничего, кроме хирургии, не могут сделать, они разрушительны, я имею в виду чисто технические достижения, хорошо служащие дезинформации. Я уже окончательно перестал понимать Африку, которой увлекался. Я уже не понимаю Египет, которым грешил чуть ли не с пятого класса. Нельзя жаловаться, потому что тут и мой возраст виноват, и мировой опыт, ведь сколько мы ни жаловались бы, это все равно будет. И какое-то другое, Божественное Провидение — как хотите определите — нас ведет. Но очень некомфортно чувствовать себя запрограммированным.

— Что у нас остается для свободы?

— Не знаю. Мне говорят, что воля. Я долго сидел в детстве у большой ямы, которую копал экскаватор: два метра на полтора, там вода накопилась, и появилась жизнь. И было такое чудесное насекомое: длинные ноги, оно стоит на воде, «немсиклапи» по-грузински (рогохвост. — «НГ») могу нарисовать вам. И я в детстве заворуженно смотрел, как оно стоит. Час, два, пять часов или столько времени, сколько может показаться пятью часами. Смотрел на него, и игра шла такая: я хочу предугадать, куда оно сейчас промчится. Все детство просмотрел, ни разу не угадал. Разве не подобно нашей так называемой воле? «Вот я сейчас встану и выйду из кафе», — скажу я. А какая это моя воля? Оттуда (показывает вверх) дан приказ, и я думаю, что это так. Божественность очевидна, особенно не в гадостях, которые мы совершаем — вот там может быть наша воля, — но когда в этой грязи, в которой мы живем, вдруг блеснет какой-то чудесный поступок, слово. Когда вы думаете о Бахе, вас преследует мысль, что это Божественно, человек не может такого сделать. Он — номер один, не считая того великого, божественного египтянина, Имхотепа, если правильно помню, который пирамиду первую рассчитал.

— Гений стало меньше. Что происходит?

— Тут очень просто. И сложно, конечно. Когда я учился в школе, нас было всего лишь полтора миллиарда людей, за одну мою жизнь стало шесть с половиной. За одну жизнь человека! И эти 6,5 летают, писают в небе, пьют шампанское, 6,5 миллиарда страстей, паспортов, амбиций, шесть с половиной миллиардов тупости, ге-

Резо Габриадзе — знаток кукольных и человеческих душ.

Фото Михаила Гутермана

— Сейчас знают вас, Роберта Стуруа, Отара Иоселиани. О современной Грузии в России не знают, так же как и здесь о России. Как вы думаете, возобновятся культурные связи?

— В современной России современные русские мало знают о России тоже. Если бы они знали Россию, они моментально узнали бы и Грузию. И наоборот. Беда в том, что человек вообще мало знает уже. Знать Грузию необходимо для массы, хотя желательно. Я не могу представить мир Достоевского без мира Диккенса, Виктора Гюго. Это огромное здание они вместе построили. И этого великого каменщика Бальзака. Кто колонна и кто несущая конструкция, трудно разобрать, но это здание одно. Вообще люди перестали знать друг друга, выработали стандарты: французы — это женщины, вино, такие пошлости говорят, как будто во Франции не было Декарта и «Мадам Бовари», Пастера, Делакруа. Но что им делать? Жизнь дана один раз, и попали в эту поп-ситуацию мы с вами, я особенно, еще из феодального строя, а сейчас царствует другой мир.

В XXI веке будут устрашающие масштабностью действия, потом и к ним будут привыкать. Человек быстро же привыкает. И будет мчаться, мчаться. Если такие люди из феодального мира, как я, до сих пор не могут привыкнуть к телефону, для меня тайна обыкновенный проводной телефон, то уже родился человек, для которого это само собой разумеющееся. Знаете, на что это похоже? Предмет исчезает, если на него пролить со всех сторон много света. Технически. «Залепить светом», говорят в кино. Он исчезнет, ни рисунка, ничего не видно. В безумной дикости своей совершает человек этот вандализм. Теряется объем, цвет, рисунок. Я представляю первый каменный топор, который придумал человек и попробовал на племяннике родном и двоюродной тете.

я родился при самом, оказывается, супердиктаторе, неслыханном и невиданном в мире — представляете, как «повезло»? — а потом тоже не шоколады с мармеладами были, ну помягче, конечно. Дурачки, пьяницы — нормальные, понятные люди. Тот — непонятный, мистический. Его накопило человечество. Чтобы как-то понять мистику сталинскую, его хотят наделить объяснимыми чертами. Допустим, как Цезаря Борджиа — злодейством,

Если современные русские знали бы Россию, они моментально узнали бы и Грузию

каким-то сентиментализмом. Но на самом деле это фантастически настроенная машина злодейства. Абсолютная машина. А ей приписывают свойства человека. Это не так, здесь что-то скорее со стихиями связанное, с ураганами, тайфунами, чем с человеческими понятиями.

— Когда Аттила вошел в Париж, епископ Лю вышел со словами: «Бич Божий, приветствую тебя!» Какое-то Провидение Божие?

— Да, конечно. Вот это забывают, когда говорят о Сталине. Что это бич Божий. Чингисхан, кажется, в Самарканде ворвался в мечеть и прямым текстом сказал: «Я бич Божий». Есть такие люди, их, слава богу, мало. Он, видимо, нас щадит в главном. Остальные просто какие-то недоразумения, промежуточные, типа Цезаря Борджиа. Они рассеяны по милициям, полицейским участкам, дробятся, как ртуть, и множатся, как бактерии.

ниальности. Это для меня, родившегося в полутора-миллиардном мире, что тоже очень много, по-моему, уж совсем запредельно. Я часто касаюсь этой темы: в человеке сидит соборность. Собрать, пережить вместе и так далее. Это очень усиленно эксплуатируется массовыми фантастическими сборищами, когда певица уже не поет, а превращается в маленькую точку, плохо видимую, на стадионе, и децибелы вокруг. Они эксплуатируют соборность. А что может быть слаще и прекраснее анонимности в искусстве? И что может быть чудовищнее славы и чего-то подобного?

— Речь реализованного человека...

— Я и сейчас анонимен, у меня есть возможность уйти в кино, но не могу. Просто неинтересно, и даже 60 человек на моем спектакле мне кажется много. Другое дело — у жизни свои законы, я тут не экспериментирую, и куда гонят, туда и иду.